

Правительство Республики Бурятия
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ – 3

Улан-Удэ

2012

УДК 9(571.5)(063)

ББК Т3(2р54)л0

Утверждено к печати Ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-14013г

Научный редактор
чл.-корр. РАН Б.В. Базаров

Редакционная коллегия

д.и.н., проф. М.Н. Балдано, д.и.н. О.В. Бураева, д.ф.н. Л.С. Дампилова,
д.и.н. Л.В. Кальмина, д.филос.н., проф. Ю.Б. Рандалов,
д.ф.н. Е.В. Сундуева (отв. ред.), д.филос.н., проф. Л.Е. Янгутов

Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. / науч. ред. Б.В. Базаров, отв. ред. Е.В. Сундуева. – Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. – 798 с.

ISBN 978-5-905847-22-6

В сборнике статей опубликованы материалы международной научной конференции «Мир Центральной Азии» (Улан-Удэ, 18-22 сентября 2012 г.). В статьях рассматривается широкий круг вопросов, освещающих различные аспекты историко-культурного взаимодействия народов Центральной Азии и определяющих роль данного региона в современной геополитической ситуации. Также на основе новых данных исследуются актуальные сюжеты социальных изменений, анализируются традиционные для Центральной и Юго-Восточной Азии культы и верования, влияние буддизма и шаманизма на культуру народов данного региона.

ББК Т3(2Р54)л0

© Правительство РБ, 2012

© ИМБТ СО РАН, 2012

selves in both Europe and in Asia. Europe remains the most important trading partner for virtually all the Central Asian states, a situation that is likely to change, if India, China or some other Asian economies continue their rapid economic growth. In terms of their basic security needs the security horizon of most Central Asian states include Russia, China, Afghanistan and the former Soviet Republics with which they share borders. Carving an independent identity for themselves among peripheral powers to a great extent describes the nature of Central Asia's engagement with the rest of the world.

С.А. Панарин (Москва, Россия)

ФЕНОМЕН КАЗАХСТАНСКОЙ МИГРАЦИИ 1990-Х ГГ.

В 1992-2000 гг. миграционные перемещения в Казахстан, из Казахстана и внутри страны захватили 35 % от средней численности его населения в межпереписной период 1989-1999 гг. Во внутренней миграции участвовали 3,3 млн. чел., во внешней – 3,2, убыль населения по каналам последней превысила 1,9 млн.¹, из-за чего Казахстан за первые 10 лет независимости потерял 12 % населения, числившегося в нем на 1 января 1992 г.² По величине отрицательного сальдо миграции он был лидером среди всех постсоветских государств. Да и во всем мире вряд ли найдем другой пример, чтобы в мирных условиях за 10 лет население страны из-за внешней миграции уменьшилось почти на 1/8. Миграция 1990-х гг. из Казахстана – уникальный феномен в современной истории миграций. В чем его причина?

Ответов три. Первый: мы имеем дело с экономической эмиграцией, вызванной стремлением мигрантов получить вознаграждающую занятость (*трудоустрой*) и улучшить условия жизни (*бытовой*). Второй: это этническая миграция, люди уезжали потому, что подвергались или считали, что подвергаются этнической дискриминации³. Сторонники третьего ответа делят историю эмиграции из Казахстана на два периода: до середины 1990-х гг. главной причиной выезда была этническая дискриминация, с середины и до конца десятилетия главными стали экономические причины⁴.

Чтобы понять, какой ответ ближе к истине, надо сначала посмотреть, куда и кто уезжал. Главными странами выезда были: в СНГ и Балтии – Россия, в дальнем зарубежье – Германия. Первая приняла 1 млн. 688 тыс. чел., или 88,7 % от общего числа эмигрантов из Казахстана в ближнее зарубежье; вторая – 636 тыс. чел., или 92,7 % от всего оттока казахстанцев за пределы бывшего СССР⁵. В Россию ехали в первую очередь русские – 75 % чистого притока из Казахстана за 1992-1999 гг.⁶, в Германию устремлялись немцы. То же самое качество титульности было существенной характеристикой и иммиграционного притока в Казахстан. Но то, что русские и немцы ехали в Россию и Германию, а казахи – в Казахстан, еще не доказывает их выталкивания этнической дискриминацией. Точнее, стремление русских и казахов уехать на историческую родину, по экономическим параметрам не слишком отличающуюся от прежнего места жительства, может свидетельствовать об этнических мотивах. Но применим ли этот

¹ Подсчитано по: Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. – Алматы, 2001; Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. – Новосибирск, 2002.

² Садовская Е.Ю. Указ. соч. – С. 13.

³ Ср., например: Абдыгалiev Б. Русские в Казахстане: проблемы, мифы и реальность // Казахстан и мировое сообщество. – 1995. – № 1 (2). – С. 73–80; Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. – М., 1996. – С. 26–35.

⁴ См., например: Алексеенко А.Н. Особенности урбанизации и перспективы эмиграции в Казахстане // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. – Новосибирск, 2002. – С. 58; Есимова А.Б. Казахстан: динамика миграционных процессов за 10 лет и миграционная политика на современном этапе // Там же. – С. 38.

⁵ Подсчитано по: Садовская Е.Ю. Указ. соч. – С. 248.

⁶ Подсчитано по: Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад. – М., 2001. – С. 108, 113.

довод к немцам, чье возвращение в фатерлянд означало, по меркам Казахстана, попадание в экономический рай?

Можно было бы ожидать, что мотивы миграции прояснятся в ходе социологических опросов. Однако это не так или не совсем так. Нам вообще неизвестны опросы казахов в главных местах их выезда – в Монголии и Узбекистане. Картина же, складывающаяся из опросов русских и русскоязычных, противоречива. Сошлемся только на два примера. В 2000-2001 гг. в Карагандинской области было проведено анкетирование лиц, принявших решение о выезде из Казахстана. По его результатам получается, что главные причины были экономическими, и на первом месте среди них стоял бытовой компонент – его назвали 39 % респондентов. Межнациональные отношения посчитали причиной отъезда всего 6,6 %. А вот в ходе опроса жителей Алматы в 2001 г. 65,8 % указало на прямую связь между напряженностью в этих отношениях и уровнем миграции¹.

Чем объясняются столь резкие различия? Многое зависит от того, как поставлен вопрос. На лобовые вопросы типа «Испытываете ли вы на себе этническую дискриминацию?» утвердительных ответов не будет много. Одни боятся открыто признать то, чего не хочет признавать власть; другие полагают, что ответив утвердительно, бросят тень на друзей-казахов. Часто отвечающие не умеют сформулировать свою мысль в требуемых категориях, находят им замены в обыденной речи, не укладывающиеся в анкетную рамку. Ответы, как правило, требуют не только перевода, но и смысловой группировки.

Когда все это учитывается, картина получается вполне определенная. В 1994 и 1997-1998 гг. известным российским специалистом по миграции Г.С. Витковской было проведено масштабное обследование потенциальных русских и русскоязычных мигрантов в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане. В Казахстане было опрошено 316 семей в 1994 г. и 623 семьи в 1997-1998 гг. В выборку были включены те, кто собрался уезжать, и те, кто такого решения не принял. Ответы были объединены в семь крупных групп, ранжированных по частоте встречаемости групп ответов. В итоге на первое место вышли ответы, показывающие, что потенциальные мигранты не видят перспектив для себя, своих детей и внуков, если останутся в Казахстане; на второе – ответы с различными этническими мотивами решения о выезде; на третье – связанные с экономическими причинами эмиграции². Вывод Витковской: для 59 % опрошенных в 1994 г. и для 83 % – в 1997-1998 гг. главными мотивами ориентации на выезд были этническая дискриминация, бытовой национализм, страх перед этническими конфликтами, жесткие условия выбора гражданства, а также производные от этих мотивов – опасения за будущее детей и отсутствие перспектив для своей этнической группы³.

По-видимому, дело не в том, что экономические причины со временем заменили этнические, а в том, что первые, всегда уступая по своей значимости вторым, всегда же сильно влияли на решения о выезде. При улучшении социально-экономических условий массив потенциальных мигрантов рассекался на две части. Те, для кого стабилизация и рост экономики обернулись личными выгодами, до изменения обстоятельств в худшую сторону выпадали из массива; у тех, кто видел признаки улучшения на чужом примере, но сам ничего не выиграл, в установке на выезд вперед выходила их экономическая неуспешность. Но глубинные мотивы миграционных настроений оставались этническими и у тех, и у других. Существенной причиной были также новые явления во внутренней миграции.

Первое десятилетие независимости отмечено нарастанием миграционной подвижности

---

¹ Там же. – С. 44.

² См.: Витковская Г.С. Вынужденная миграция в Россию: итоги десятилетия // Миграционная ситуация в странах СНГ. – М., 1999. – С. 159-194.

³ Там же. – С. 166.

казахов: в 2000 г. они заполняли поток внутренней миграции уже почти на $\frac{3}{4}$ ¹. В этом быстром подъеме важны два аспекта. Один из них – *поселенческий*: ускоряющийся перелив казахского населения из поселений сельского типа в поселения городского типа. По данным переписей, казахов, перебравшихся из аулов в города, насчитывалось 700 тыс. чел. По оценке же, приводимой А.Н. Алексеенко², в межпереписной период города приняли около 2 млн. чел., и львиную долю составили казахи. Этот приток резко увеличил нагрузку на физическую, социальную и культурную инфраструктуру городов, изменил социально-психологический климат в них, создал острые социальные и даже криминальные проблемы. Такими последствиями он способствовал сохранению, а то и усилению установок на выезд у русского и русскоязычного городского населения.

Второй аспект – *расселенческий*. В 1990-е гг. происходят заметные сдвиги в распределении казахов по территории страны. Главное их следствие заключается в эрозии титульным населением *фронта* – пограничной с Россией полосы земель, в населении которых русскоязычные – русские и в той или иной степени обрусевшие меньшинства – составляли абсолютное большинство³. По переписи 1989 г., на долю определенных таким образом русскоязычных приходилось от 2/3 до 4/5 всего населения в 7 из 19 областей Казахской ССР – в Кокчетавской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской, Целиноградской, Кустанайской, Карагандинской и Северо-Казахстанской⁴. И в отличие от южных и западных областей Казахстана, на севере и северо-востоке они жили не только в городах, но и в сельской местности. Разумеется, и здесь имела место этническая чересполосица. Но наличие сельского неказахского населения, факт первоначального вхождения части северных территорий в состав собственно российских губерний / областей и то обстоятельство, что 5 из 7 областей с наивысшей концентрацией русскоязычных примыкали к РСФСР, – все это приводило к восприятию севера и северо-востока Казахстана как естественного продолжения русского «материка».

Перепись 1999 г. показала, что на севере и северо-востоке доля казахов увеличилась. Наиболее сильными были изменения в национальном составе населения Астаны: с 1989 г. численность казахов возросла здесь в 2,6 раза, а их доля в населении новой столицы поднялась до 41 %⁵. Этот прирост не мог быть обеспечен за счет одного только переезда из Алматы в Астану чиновников и депутатов с семьями. Главную роль сыграло изменение статуса города: столица всегда притягивает мигрантов. Сходный «статусный» эффект дала административная реформа 1997 г.: из упраздненных областей и их бывших центров казахское население потянулось в города, ставшие столицами укрупненных областей. В результате лидерство русскоязычных в зоне фронта стало не столь бесспорным, как прежде. Так, в укрупненной Восточно-Казахстанской области доля казахов поднялась к 1999 г. до 1/2 (48,5 %) ⁶.

В свое время А.Н. Алексеенко доказал, что «эмиграция наиболее сильно выражена в тех регионах, где велик удельный вес казахского этноса, преимущественно сельского, и менее явно – в регионах значительной концентрации европейских народов»⁷. Однако это правило действовало только в первые годы независимости. Довольно быстро миграционный по-

¹ Садовская Е.Ю. Указ. соч. – С. 22.

² Алексеенко А.Н. Указ. соч. – С. 59.

³ Подробнее о понятиях «фронт» и «русскоязычные» см.: Панарин С. Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана) // Диаспоры. – 1999. – № 2-3. – С. 137–144.

⁴ См.: Итоги всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. III. Национальный состав населения Казахской ССР, областей и г. Алма-Ата. – Алма-Ата. 1992.

⁵ Предварительные итоги переписи населения 1999 года по областям, городам и районам Республики Казахстан. – Алматы, 1999. – С. 4, 6.

⁶ Там же. – С. 39.

⁷ Алексеенко А.Н. Этнодемографические процессы и эмиграция из суверенного Казахстана: причины и перспективы // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. – М., 1998. – С. 109.

тенциал русскоязычных в южных и западных областях был исчерпан, на первый план вышла эмиграция из пограничных областей. Уже в 1995 г. при общей миграционной убыли населения Казахстана в 19 чел. на 1000 максимальная убыль была отмечена на севере: в Павлодарской области – 28 чел. на 1000, Акмолинской – 31 и Северо-Казахстанской – 33 на 1000 чел. населения¹. Фронтир дрогнул, утратил уверенность в том, что его русскость не сотрется, и то, что ранее сдерживало отток – близость к России и связи с жителями соседних российских областей – стало его стимулировать.

Подведем итог. Определяющее значение среди различных видов казахстанской миграции 1990-х гг. имела внешняя миграция. По преобладающим мотивам выезда она была преимущественно вынужденной и этнической, хотя ее подъемы и спады во многом определялись колебаниями социально-экономической ситуации в стране. Внешняя миграция оказывала в целом негативное влияние на развитие Казахстана. Она сокращала численность наличных и будущих трудовых ресурсов, вела к ухудшению их качества, вздувала расходы государства на социальную защиту и подготовку кадров и тем самым оборачивалась сокращением доли ВВП, которая могла бы быть направлена на накопление. Вместе с тем, «упрощая» этническую структуру населения, она облегчала власти тихую реализацию этноцентристской модели национального государства. Роль внутренней миграции была более позитивной, но неоднозначной. С одной стороны, она дополнительно подталкивала русскоязычных к выезду из зоны их сплошного расселения и из крупных городов. С другой, внутренняя казахская миграция уменьшала *этническую сегрегацию* населения Казахстана – и поселенческую, когда казахский аул противопоставлялся русскоязычному городу по качеству жизни, и расселенческую, когда страна делилась на преимущественно казахское ядро на юге и западе и преимущественно русскоязычный фронт на севере и востоке. Как следствие, она способствовала – как минимум, в потенциале, – сокращению дистанции между европейцами и казахами, расширению и упрочению горизонтальных социальных связей между ними.

Л.В. Гернего (Чита, Россия)

МИГРАЦИЯ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ

С началом перестройки в России произошли серьезные изменения во всех сферах жизни. Изменились и традиционные процессы миграции. В конце XX в. Россия в миграционном обмене с бывшими союзными республиками имела прирост населения. Это положительно влияло на ее демографическое состояние. В 1992-2000 гг. положительное сальдо миграции формировалось за счет русского населения, проживавшего ранее в государствах ближнего зарубежья. В этот период население России возросло за счет мигрантов более чем на 3,3 млн. чел., хотя из-за превышения числа умерших над числом родившихся в эти годы численность населения должна была уменьшиться на 6,8 млн. чел. Среди мигрантов, прибывших из нового зарубежья за последние 10 лет, доля лиц моложе 16 лет была на 5 пунктов больше, чем в России. Кроме сдерживания темпов демографического старения, мигранты участвовали и в воспроизводственном процессе. За этот период у них родилось около 50 тыс. детей².

Одно из самых заметных явлений в миграции населения Российской Федерации – отток населения из северной и восточной частей страны. Еще недавно население Севера быстро росло и достигло 10 млн. чел. Сегодня оно сокращается с большой скоростью. Например, только Чукотка за пять лет (1993-1997 гг.) потеряла более трети своего населения.

¹ Докучаева А., Грозин А., Затулин К. Республика Казахстан и интересы России // НГ – сценарии (Приложение к «Независимой газете»). – 1997. – 10 июл.

² Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного потока // Режим доступа: <http://sbiblio.com/biblio/archive/migracia/zaspх>